

Карта

1.

- Географическая карта — это изображение Земной поверхности условными знаками на плоскости в уменьшенном виде, - бубнила Наталья Алексеевна спящему классу. Темы, заученные наизусть, давали возможность начитывать материал и в то же время быть где-то совсем далеко от этих сопленосых, надоевших за долгие годы детей. «Зачем? Разве им это нужно?» - спрашивала себя Наталья и сама себе отвечала: «Нет, не нужно. Были бы деньги – будут и проводники, и комфортные условия и GPS навигаторы».

Зная о географии больше, чем многие в этом районном городишке, Наталья Алексеевна никуда дальше областного центра не ездила. Все её знания оказались не нужны, балласт, который и выбросить жалко, и проку нет. Впрочем, именно этот балласт давал средства к существованию, а иногда и возможность заработать, если набиралась группа учащихся для репетиторства. Как бы то ни было, годы шли, менялись лица учащихся, не менялось, пожалуй, только презрительное отношение к её предмету, наоборот, с каждым годом оно на лицах учащихся появлялось всё в более раннем возрасте.

-А на фига оно нам надо? – вырвал Наталью из привычного русла голос Егора.

-Что прости?- переспросила рассеянно она.

-На фига нам это писать нужно? Че, нельзя нормально? Задали реферат – мы вам сдали и все довольны? – класс загомонил, поддерживая зачинщика разборок.

-Егор, а может, предоставишь мне решать, в какой форме и по каким критериям оценивать ваши знания?

-Проблемная вы, Наталья Алексеевна. Оно вам это надо? - не сдавался Егор.

-Видимо, надо, Егор, иначе работала бы в другом месте.

Хмыкнув, Егор сел, включил телефон, демонстративно надел наушники и закрыл глаза. Класс зашумел.

-Что ж, не желаете слушать, будем заниматься в другой форме. Параграф двенадцать, страница тридцать два. Прочитайте и заполните таблицу в тетради. В конце урока – тетради на проверку. Мел заскрипел по доске, вычерчивая таблицу. Класс пыхтел, пихался, ворчал, ненавидящие взгляды жгли спину Наталье Алексеевне. Через пять минут наступила тишина, а ещё через двадцать урок закончился. На стол плюхались тетради, ученики выбегали в коридор, последним шёл Егор.

-И всё-таки вы не правы!- заявил он и кинул абсолютно пустую тетрадь на стол.

2.

Вся окружающая тебя местность вызывает страх. Так, наверное, выглядит Чернобыль. Хотя там всё-таки жизнь. Больная, приспособливающаяся, но жизнь, а здесь остро чувствуется отсутствие жизни. Мертвое место, мертвое серое небо, сумрак, отсутствие теней и звуков, растительности и ветра. Словно пресловутая Помпея, за мгновение до падения на неё пепла, или кадры фантастического фильма об иных планетах, или просто начало ночного кошмара. Ориентироваться в этом странном месте невозможно – нет точки отсчёта. Серый мир, сумрак. Куда бы ты ни шёл, придешь сюда – к каменной церковной ограде, старому кладбищу и разрушенному храму. Если посмотреть вокруг, то увидишь разбитую просёлочную дорогу, брошенные дворы и темноту. Каменная ограда вокруг церкви развалилась, царские ворота распахнуты настежь, рядом валяются маленькие деревянные купола, вросшие в землю. Земля за оградой серая, рассыпающаяся в пыль, словно только что перепаханная. Двухэтажная сторожка – первый этаж кирпичный, второй деревянная надстройка, шиферная крыша. Храм разрушен: в зимнем пределе нет потолка, в летнем – пола, алтарь зияет дырой, на колокольню нет лестницы. Перед храмом ямы, за храмом ухоженные, ровными рядами – могилы. Каждый холмик окружен решетчатой оградой черного цвета.

Кладбище строго расчерчено, угадывается какая-то четкая схема, но разгадать её мешает смыкающаяся темнота.

3.

Наталья Алексеевна стояла у окна. Мелодия «Одинокого пастуха» звучала откуда-то снизу, возможно, из кабинета музыки. Музыка соответствовала её настроению. Она чувствовала себя старой, одинокой, пронзительно, болезненно бесполезной и ненужной. Под окнами голуби собирали просыпанные учениками семечки, на спортплощадке перед школой шел футбольный матч, по дороге в быстром потоке двигались машины. Изредка голуби вспархивали, испугнутые случайными прохожими. Наталья смотрела вверх, где по голубому небу проплывали невероятные по красоте и размерам облака. Свободные в своём полёте и фантазии облака были для неё символом чистоты, надежды, доброты. В школе было тихо, шли уроки. Ученики объявили ей бойкот и не пришли на урок. Завтра обязательно будут вызывать родителей, предстоят разговоры со школьниками и её разговор с директором. «Наталья Алексеевна,- скажет он, снимая очки, - нужно быть более гибкой, толерантной. Не в ваших интересах настраивать против себя общественность. Поймите, я очень хорошо отношусь к вам, как к человеку, но как профессионал вы просто обязаны найти общий язык с детьми» Наталья никогда не поднимала белый флаг в своих требованиях к детям. Не будет делать этого и сейчас, даже если придется уволиться. Всё это будет завтра, а сегодня есть целый урок чистого неба, тишины, свободы и одиночества.

4.

Запустение и пустота станут вашими спутниками в путешествии по этому серому миру. Вы будете скитаться по пустым домам, по пыльным улицам, заходить в магазины и нигде не пожелаете остановиться. Одежда покроется пылью, и вскоре вы станете частью этого мира. Только в одиночестве и пустоте по-другому начинаешь воспринимать происходящее вокруг. Только в тишине по-другому начинаешь слышать. Сколько вам потребуется для

того, чтобы прозреть, для того, чтобы начать слышать? Как только вы забудете, что есть иной мир, есть звуки, ветер, солнце – вы поймете этот мир. Поймёте его сущность и не никогда не покинете его. Пыль, прах станут вашими спутниками на долгие годы. Вы поймёте этот мир, поймёте, когда успокоитесь, когда некуда будет спешить, незачем стремиться, нечего ждать, для вас откроются врата, потому что только так можно шагнуть туда, стать своим. Вы поймете, что здесь нет ничего лишнего, здесь только то, что вам нужно, только то, что вы ждёте, может быть это то, что всех нас ждёт?

-Иди к нам, - шепчут стены, земля, обломки.

-Здесь всё не так, как ты видишь, - скажут тебе ограды, и ты преодолеешь свой страх и шагнешь навстречу.

-Мы знаем правду,- будут твердить тебе купола, и молчаливо, укоризненно на тебя посмотрят дома черными провалами глаз.

Ты шагнешь, потому что всегда стремился постичь этот нестабильный, неустойчивый, вечно плывущий, меняющийся мир.

-Только здесь на тебя снизойдет спокойствие,- скажешь ты и шагнешь навстречу без страха, без спешки, оставив сомнения.

5.

Урок прошел спокойно, дети что-то писали, рисовали, общались в социальных сетях, но протестовать открыто не решались. Звонок прозвенел неожиданно, больно резанув по нервам. Не записав домашнего задания, класс спешно покидал надоевший кабинет.

-Егор, зайди ко мне после уроков. Если конечно не боишься,- сказала вслед уходящему ученику Наталья Алексеевна.

-Ну, держись, Егор, тебе, кажется, стрелку забили, - ехидно подметил невысокий, полный, склонный к многословию и всегда всё знающий Серега и хлопнул Егора по плечу.

Егор оглянулся, злобно сверкнул глазами, скривил рот и вышел, хлопнув дверью.

Затем пришёл следующий класс, за ним ещё один - и так шесть уроков подряд. Наталья Алексеевна села за учительский стол, сняла очки, уронила голову на руки, закрыла глаза. Дверь распахнулась неожиданно.

-Можно?

-Да, да проходи, Егор,- сказала Наталья и жестом пригласила его в класс. Егор с вызовом прошёл мимо, бросил на пол рюкзак, сел на стул и стал раскачиваться на ножках, ожидая продолжения. Наталья выдержала паузу, успокоилась, глубоко вдохнула и пошла к окну.

-Знаешь, я уже пятнадцать лет смотрю в это окно. Там сменяются времена года, идёт снег, дождь, светит солнце, играют дети, спешат прохожие, гудят машины, плывут облака. Я каждый день смотрю на них из окна, и мне кажется, что там совсем другая жизнь, и она намного лучше, проще моей, что люди там счастливы, и мне хочется, очень хочется разбить стекло. Выбраться наружу и стать одной из них. Но звенит звонок, входят дети, и я начинаю читать заученный материал. И так каждый день. Не думаю, что ты можешь понять меня, Егор. Просто у меня, как и у тебя, есть своя точка зрения. Мы по-разному воспринимаем одни и те же процессы, но это не значит, что кто-то из нас неправ. Когда ты повзрослеешь, возможно, нам будет легче понять друг друга. Можешь идти.

-Мура, – пробормотал Егор и вышел из класса, где за дверями его уже ждали друзья, а Наталья Алексеевна так и осталась стоять, прижавшись лбом к холодному окну.

6.

Общаться с мертвыми в этом сером мире просто. Достаточно пойти к месту их последнего пристанища.

-Почему здесь так темно? - спросишь ты.

-Это потому, что человек не совершенен,- ответят тебе.

-Почему здесь нет жизни? - спросишь ты.

-Здесь всё наполнено жизнью,- ответят тебе.

-Почему здесь так пусто? - спросишь ты.

- Здесь уже нет места, - ответят тебе и рассмеются. И ты двинешься среди рядов аккуратных холмиков и будешь прислушиваться к голосам, идущим от них. И чем дальше будешь идти, тем громче станут звуки, тем больше ты будешь меняться. Идя среди могил, ты будешь искать знакомых, и они будут манить тебя, рассказывать о том, как хорошо здесь. И когда ты приблизишься к разгадке, то бросишься назад. И вот тогда ты поймёшь замысел этого места. Это лабиринт, из которого нет выхода. Войдя сюда, ты обречен бродить среди черных оград. Ты будешь зажимать уши, но голоса зазвучат в голове, и нет от них спасения оступившимся, мятущимся, протягивающим свои руки в надежде найти решение. Выбравшись отсюда, ты никогда не приблизишься к голосам, боясь опять попасть в их сети. Грустно и всепрощающе посмотрят на тебя стены разрушенного храма и приютят под своими хрупкими сводами.

7.

Актный зал был наполнен зрителями. В целях пропаганды терпимости, толерантности проводились лекции, посещение которых было, как всегда, добровольно принудительным. Двадцать минут инспектор милиции что-то читала невыразительным, вялым, неуверенным голосом. Затем выступал участковый, молодой паренек с грустно-обреченным взглядом. Нудно и комкано он что-то пытался рассказать о последствиях за противоправные действия. Наталье Алексеевне было жалко этих людей, отбывающих повинность. «Зато потом все отчитаются. Мероприятия по профилактике прошли успешно в количестве..., присутствовало... А все присутствующие, выйдя из душного зала, вдохнут свежий прохладный воздух и забудут, для чего это было. Вот он пережиток нашего коммунистического прошлого. Партия сказала: надо, комсомол ответил: есть!»

-Что же, ребята, поблагодарим наших гостей за столь увлекательный и, главное, полезный рассказ! - подвел итог директор, потирая руки.

- А вопрос можно? – раздался голос с последнего ряда.

-Ну, я думаю, наши гости с удовольствием ответят на ваши вопросы, ребята,- с сомнением произнес директор, а получив утвердительный кивок, уже более бодро произнес, - Задавайте, пожалуйста.

Когда с последнего ряда поднялся Егор, зал затих в ожидании провокаций.

-Вот если ко мне подошли наркоманы и потребовали деньги, угрожая мне ножом, я должен защищаться или простить их и отдать деньги?

Долго препираясь между собой, гости решали, кому отвечать. Отвечал участковый. Его путаные, неубедительные ответы под едкие комментарии Егора развеселили зал, дети зашумели, последние реплики утонули в детских голосах. Сообразив, что участкового нужно спасать, директор поднял руку, призывая к тишине, быстро завершил встречу и побежал впереди участкового, показывая выход.

8.

Пока ты бродишь по пыльным дорогам, пытаешься понять, где же всё пошло не так, где ты ошибся, почему попал сюда, пока ты пытаешься найти в себе Бога – ты уязвим. Пока ты ищешь себя среди развалин, кто-то тихо и незаметно поселяется в храме. Реставрирует его, застилает пол, ремонтирует крышу, делает лестницу на колокольню. Тыходишь в так знакомый тебе мир и видишь, как оживленно и радостно встречают тебя в храме, словно только тебя и ждали, словно только ради тебя здесь вдруг появился свет. И тебе хорошо среди братьев и сестер. Словно угадывая твои страхи, они предлагают тебе защиту и покровительство, дом, кров, уют, ответы на вопросы. И вот ты поднимаешься на колокольню по свежей, пахнущей струганными досками лестнице. Теплое дерево скользит под рукой, чуть поскрипывают ступеньки. С каждым шагом ты возносишься все выше и выше. И вот перед тобою все то же серое небо, все те же пустые дома и улицы, и ты в последней надежде хватаешь грубые льняные канаты. Первый, ещё одинокий тихий удар колокола прорезает этот неприветливый мир, и этот грубый звук, грозно грохоча, разносится по окрестностям, и ты слышишь треск. Ты смотришь по сторонам, но всё остается таким же, каким

оно и было, и только под ногами пропасть, разрушенные стены. Ты один. Наверху. И мир не изменился. Ты стоишь, держа в руках рассыпающиеся нити - и всё, как прежде. Нет братьев и сестер, нет обновлённого храма, а есть этот сумрачный мир и твоё одиночество. И волосы поднимаются от ужаса, и не видишь ты выхода из этого мира, и в этом страшная правда.

9.

- Сегодня на уроке вам не придется слушать меня, – обрадовала детей Наталья Алексеевна. - Достаем листок в клеточку, карандаш, транспортир, линейку. Вверху листка пишем число, фамилию и название работы: «Топографическая карта». Местность для работы можете выбрать самостоятельно или воспользоваться предложенными мною ориентирами.

Записав на доске заданные ориентиры, Наталья Алексеевна достала листок и стала вычерчивать план местности. Вот проселочная дорога, перекресток, дома, церковная ограда, храм и сторожка. Она так увлеклась работой, что не заметила, как пролетел урок. Учащиеся сдавали работы, последним, как всегда, шел Егор. Он небрежно кинул свою работу на стол, остановился на мгновение, оценил работу учителя и тихо вышел за дверь. Наталья Алексеевна взяла в руки криво оторванный листок Егора и долго смотрела на чертеж. После, словно осененная только ей понятной догадкой, взяла свою работу и работу Егора и приложила к окну. Напросвет было видно, что они начертили, словно под копирку, только у Егора проселочная дорога заканчивалась огромным лесным озером. Открыв журнал, Наталья Алексеевна поставила Егору пятёрку за выполненную работу.

Ночью в кабинете географии неизвестный хулиган перебил все окна.

2.12.2010.